

БИБЛИОТЕКА — СОКРОВИЩНИЦА ХАСИДОВ — ЛЮБАВИЧ

ВОСПОМИНАНИЯ ПРАВЕДНОЙ РЕБЕЦН ХАНЫ,

ДА УПОКОИТСЯ ОНА С МИРОМ,
СУПРУГИ ПРАВЕДНОГО РАВВИНА, ГАОНА И ХАСИДА, КАББАЛИСТА,
НАШЕГО УЧИТЕЛЯ

РАББИ ЛЕВИ-ИЦХОКА,
ДА БУДЕТ ПАМЯТЬ СЯТОГО ПРАВЕДНИКА БЛАГОСЛОВЕННА,
ДА УПОКОИТСЯ ОН С МИРОМ,
И ДА БУДЕТ НАМ ЗАЩИТОЙ ЕГО ЗАСЛУГА

МАТЕРИ СЯТОГО РЕБЕ,
НАШЕГО ГОСПОДИНА И УЧИТЕЛЯ
РАББИ МЕНАХЕМА-МЕНДЛА,
ДА БУДЕТ ПАМЯТЬ СЯТОГО ПРАВЕДНИКА БЛАГОСЛОВЕННА,
ДА УПОКОИТСЯ ОН С МИРОМ,
И ДА БУДЕТ НАМ ЗАЩИТОЙ ЕГО ЗАСЛУГА,

ШНЕЕРСОНА
ИЗ ЛЮБАВИЧА

Выходит в свет в
“ОЙЦАР Г’А-ХАСИДИМ”

770 ИСТЕРН ПАРКВЭЙ

Бруклин, Н.-Й.

ПЯТЬ ТЫСЯЧ СЕМЬСОТ СЕМЬДЕСЯТ ВТОРОЙ ГОД ОТ СОТВОРЕНИЯ МИРА

MEMOIRS
OF
REBBETZIN CHANA SCHNEERSON

INSTALLMENT 4

Published and Copyrighted © 2011
by

KEHOT PUBLICATION SOCIETY
770 Eastern Parkway / Brooklyn, New York 11213
(718) 774-4000 / Fax (718) 774-2718
editor@kehot.com

Orders:

291 Kingston Avenue / Brooklyn, New York 11213
(718) 778-0226 / Fax (718) 778-4148
www.kehot.com

All rights reserved.

The Kehot logo is a trademark of Merkos L'Inyonei Chinuch.

Отпечатано в России
Перевод подготовлен в издательстве «Лехаим», Москва

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаем вашему вниманию четвертый выпуск «Воспоминаний», записанных праведной ребецн Ханой, матерью Ребе¹. Да будет воля Всевышнего, чтобы это добавление в «распространении источников наружу» привело к подлинному и полному Избавлению с приходом нашего праведного Мошиаха, буквально в ближайшее время.

Издательство «Ойцар га-хасидим»
5 мархешвана 5772 года
Бруклин, Нью-Йорк

1 Перевод с идиша Цви-Гирша Блиндера. Дополнительная информация о настоящем издании — в предисловии к 1-му выпуску.

ВОСПОМИНАНИЯ РЕБЕЦН ХАНЫ ШНЕЕРСОН

С Б-жьей помощью, среда, пост Гедалы, 5708 года (17.09.47 г.)²

Не писатель я и не дочь писателя, и мое желание — просто записать немного из воспоминаний о моем муже, да будет память о нем благословенна, — о нескольких последних годах его жизни.

У меня были сомнения, смогу ли я справиться с этой задачей, — по двум причинам. Во-первых, получится ли вообще передать на бумаге то, что хранится в памяти. Во-вторых, найдется ли у меня столько спокойствия, сколько требует такая работа.

* * *

2 Дата написания записок, указанная самой ребецн.

ПРИГОВОР: ПЯТЬ ЛЕТ ССЫЛКИ В СРЕДНЮЮ АЗИЮ

В конце месяца кислев пришла бумага из местного НКВД: я должна явиться к ним в понедельник, такого-то числа, к девяти утра. После всех моих усилий, после обещаний, полученных от высокопоставленных лиц, и после некоторых сведений, переданных мне из места, где находился мой муж (приветы от людей, которые его видели, и тому подобное), я надеялась, мне сообщат, что его решено освободить.

Как обычно, я пришла точно ко времени. Свой паспорт я оставила в бюро пропусков — в обмен на бумагу, дающую разрешение войти. Мне представлялось, что после девяти месяцев, в течение которых я не видела мужа, и после всех переживаний мне, наконец, позволят с ним повидаться. Вместо этого меня провели в какую-то комнату и, забрав пропуск, захлопнули дверь! Я оказалась полностью в их власти...

После часового ожидания меня пригласили в другое помещение, где сидели четыре человека в военной форме. Старший из них, как я потом выяснила, являлся ответственным за этапирование всех заключенных нашей области. Мне было объявлено, что муж приговорен московским «Особым совещанием» к ссылке в Среднюю Азию на пять лет³. Когда я спросила их: «Как человек в таком плохом состоянии и в таком преклонном возрасте сможет все это перенести?», мне ответили: там, куда будет отправлен мой муж, вполне приличные условия жизни. Он останется практически полноправным гражданином — только лишь обязанным находиться именно в том месте, куда его ссылают. Его даже не лишат права голоса, сказали мне. «Все, что вам остается сделать, — это собрать ему в дорогу то, что он просит».

Один из тех, кто готовил мужа к отправке к месту ссылки, оказался евреем, и именно ему поручили ознакомить меня со списком вещей, которые нужно было приготовить.

3 См. записки, указанные в примечании 7 (в 1-м выпуске): «Я был сослан на 5 лет <...> Дело мое разбирало «Особое совещание» НКВД СССР <...> и они приговорили меня к 5 годам ссылки, как указано выше».

Он тут же сообщил мне, что когда-то в детстве учился в *хеде-ре* и ему знакомо практически все из того, что значится в записке Л<ейвика> З<алмановича>. В первую очередь муж просил *талес*, *тфилин*, сидур и Тегилим, а также том, в котором содержались бы все пять книг Пятикнижия. Только один пункт из списка был ему незнаком — книга «Тания», о которой он до того никогда не слышал. Кроме всего перечисленного, муж попросил также *гартл*⁴. «Когда вам сообщат о дне отправки вашего мужа, — сказал мне этот человек, — принесите все это на тюремный двор, у вас это заберут и передадут ему».

После всех этих новостей мне также пообещали, что разрешат попрощаться с мужем перед его отъездом. О дне свидания мне сообщат дополнительно.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

В «группе» моего мужа, кроме него самого, было еще три человека — два *шойхета* и *шамес* синагоги, в которой он молился...

В назначенный день я взяла продукты, которые разрешили собрать мужу в дорогу для улучшения состояния его здоровья. Чтобы я не шла в тюрьму сама, меня сопровождал молодой человек⁵ из числа наших добрых друзей — сын одного из польских ребе, который учился вместе с нашими детьми.

Во время свидания мы были разделены железной решеткой. Рядом стоял вооруженный тюремный охранник, который следил за тем, чтобы мы разговаривали по-русски.

Не могу передать словами, как изменилось лицо мужа за эти десять месяцев! Первыми его словами, обращенными ко мне, был вопрос: «Слава Бгу, что мы смогли повидаться! Скажи, сколько дней был *рош хойдеш* кислев — два или один? Я

4 Специальный поясик, которым, по хасидскому обычаю, женатые мужчины подпоясываются во время молитвы.

5 Рав Ландман, см. «Толдойс Леви-Ицхок», часть 2, стр. 583.

должен это знать из-за Хануки...⁶»

Свидание длилось всего несколько минут, но даже за это короткое время охранник трижды делал нам замечания (точнее, орал на нас): «Говорите по-русски!» Муж сильно нервничал, и когда мы прощались, со слезами на глазах просил у меня прощения, словно в предсмертный час: он считал, что этапа не переживет... Я оставила ему передачу, сказала слова прощания и отправилась домой.

ПОЕЗДКА В ХАРЬКОВ

Следующие несколько дней я провела в хождениях по разным инстанциям, пытаюсь выяснить точную дату отправки мужа в ссылку. Конечно, я всюду обращалась официально, но куда более важным делом было отыскать родственников тех людей, которые так или иначе были связаны с отправкой этапов, и попытаться что-нибудь выяснить через них. Тесть прокурора, тетя тюремного доктора и другие — каждый обещал мне свою помощь, но когда я в конце концов добралась до человека, ведавшего этапами, он сказал мне, что муж не значится в списках арестантов, подлежащих отправке!

Буквально на следующий день я получила от мужа открытку из Харькова — он находился там, в пересыльной тюрьме⁷, адрес которой муж также указал в открытке. Я тут же решила ехать в Харьков.

В тот год стояли сильные морозы, все вокруг было засыпано снегом. Железная дорога работала не по расписанию — нельзя было угадать, когда поезд придет на станцию или отправится дальше.

За день до отъезда, где-то около полуночи, мне удалось раздобыть курицу и я понесла ее к *шойхету*. Чтобы добраться до него, нужно было пройти несколько километров, преодолевая обледеневший подъем в гору. Но я добралась.

На следующий день ко мне домой пришли некоторые из

6 См. примечание 9 в 3-м выпуске.

7 Эти слова в рукописи ребецн написаны по-русски.

наших близких друзей, которые раньше регулярно бывали у нас. Они стали отговаривать меня от поездки, убеждая, что мне все равно не разрешат повидаться с мужем. Однако я была намерена ехать в любом случае и стала искать возможность приобрести билет на поезд.

В то время билеты на поезд в день отправления практически не продавались — их надо было покупать заранее, за несколько дней. С большим трудом удалось все-таки раздобыть билет — его принесли мне на дом около часа дня, а поезд отправлялся в три. В Харьков по расписанию он должен был прийти в 11 вечера.

Поездка была непростым делом — в том числе и потому, что я совершенно не была знакома с Харьковом. Мендл Рабинович, один из наших друзей, телеграммой предупредил своего брата Ѓирша⁸ о моем приезде, и он должен был встретить меня.

Из-за сильного снегопада поезд задержался на четыре часа. Ѓирш тем не менее встретил меня на вокзале. Было три часа ночи, стояла кромешная тьма и жуткий холод. Всю дорогу я тоже сильно мерзла, так как вагоны не отапливались... Ѓирш привел меня к себе домой, соблюдая меры предосторожности, чтобы меня не увидели ни его квартирная хозяйка, ни соседка. Меня усадили в угловой комнатке рядом с небольшой печкой, дали стакан горячего чая, и я чуточку согрелась.

В семь утра мы принялись за дело. С большими усилиями, преодолевая враждебное отношение, мы добились разрешения для адвоката на посещение арестованного в его камере, в надежде, что адвокату удастся каким-то образом улучшить его положение. Я заплатила прокурору 75 рублей, и он дал разрешение. А вскоре после этого выяснилось, что это был последний день пребывания этапа в Харькове, и сегодня же заключенных отправят дальше!

Так как раздобыть продукты в городе было очень сложно, Рабинович дал мне из своих запасов сахара и немного

8 См. «Толдойс Леви-Ицхок», часть 2, стр. 633.

сливочного масла. Потом мне сказали, что я могу передать мужу мыло, а главное — папиросы, которые он просил много раз, но в Днепропетровске мне запрещали их приносить. Я постаралась собрать мужу в дорогу все, что могла, потратив на беготню и приготовления целый день.

Когда все было готово, мы с Ѓиршем отправились в тюрьму, которая, как обычно, находилась на приличном расстоянии от города. Было очень скользко, я три раза падала, но к трем часам дня мы все-таки добрались до места. Там нас встретил адвокат, который рассказал, что договорился с доктором, чтобы тот осмотрел Лейвика Залмановича и определил, можно ли по состоянию здоровья отправить его вместе с остальными заключенными. Доктор нашел его вполне здоровым (позднее выяснилось, что все это было неправдой — с мужем перед отправкой не виделся ни адвокат, ни доктор).

После беседы с адвокатом я получила разрешение поглядеться с мужем и передать ему продукты и другие вещи, которые собрала.

2 нисана 5708 года

ВТОРОЕ НИСАНА — НАДО ГОВОРИТЬ ХСИДУС!

Давно не писала — что-то тяжело...

Сегодняшняя дата⁹ напомнила мне о первой поездке к мужу — на Песах 1940 года¹⁰.

В то время состояние его здоровья было очень тяжелым. Прошло всего два месяца после изнурительного этапа, а условия для жизни в месте ссылки были хуже, чем я могла себе представить. Но в тот день он забыл обо всем.

«Сегодня бейс нисан¹¹, — сказал он. — Надо говорить хсидус, но, боюсь, много слушателей здесь не найдется. Я мог бы

9 2 нисана — йорцайт пятого Любавичского Ребе Шолома-Довбера Шнеерсона (Ребе Рашаба).

10 5700 год по еврейскому календарю.

11 2 нисана.

написать что-нибудь к этой дате, но нет бумаги¹². Придется довольствоваться размышлениями — и пусть Всевышний даст мне силы мыслить...»

(Чуть позже, за неделю до Песаха, я поехала в Кзыл-Орду¹³ и привезла оттуда две тетради, порошок для приготовления чернил и бутылку, в которой можно было его развести. Не передать словами радость, которую это приобретение доставило мужу. Он принялся писать с таким энтузиазмом, словно чернила и бумага ему дороже хлеба, который я привезла для него после долгого и тяжелого голодания.)

Некоторое время муж провел погруженным в размышления, а потом начал говорить о Ребе, да покоится душа его в раю, полностью забыв, где и в каком положении он находится...

Жара в те дни стояла ужасная, одежда моментально пропитывалась потом. Помню, как вечером я давала мужу чистое белье, а уже к десяти утра рубашка вся была покрыта черными точечками — следами от блох, которые водились там в огромном количестве. Это было просто невыносимо! (Через какое-то время нам удалось найти комнату, в которой насекомых было поменьше.)

Когда муж говорил слова Торы, он всегда смотрел на пятна на своей рубашке, и это словно переносило его в какой-то другой мир. Ни при каких условиях он не позволял себе поддаваться тяготам окружающей жизни!

12 См. «Ликутей Леви-Ицхок», «Игройс койдеш», стр. 395.

13 Областной центр Казахской ССР. Поселок Чиили, где отбывал ссылку рабби Леви-Ицхок Шнеерсон, находился в Кзыл-Ординской области.

Давиду (Вадиму) Аминову и его семье:
супруге Саре-Эльке (Стелле),
детям Даниэлю, Натану, Рахель-Этель, Мирьям-Мане
и Йосефу-Якову —
с чувством сердечной признательности

Посланники Ребе в Москве